

3. Istoriya diplomatii: v 5 t. M.: Gospolitizdat, 1963. T. 2. Diplomatiya v Novoye Vremya. 1871-1914. 820 s.
4. Miller A. B. Burzhuaznaya revolyutsiya 1908 g. v Turtsii / A. B. Miller // Sovetskoye vostokovedenie. 1955. № 6.
5. Lape L. Krushevskaya respublika // Ilindenskaya epopeya. Skopje: Makedonskoye revo, 1978.
6. Przhevalskiy R. Bolgariya, Serbiya, Makedoniya / R. Przhevalskiy // Slavyanskiy vek. 1963. № 71.
7. Strelchuk N. V. Natsionalno-vyzvolnyi rukh u Makedonii (ostannia tretyna XIX st. – 1919 r.): Avtoref. dys... kan. ist. nauk / N. V. Strelchuk. Chernivtsi, 1999. 22 s.
8. Dyakov V. A. Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentralnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy / V. A. Dyakov. M.: «Nauka», 1986. 302 s.
9. Iz makedonskikh vospominaniy russkogo dobrovoltsa Borisa Tagpieva // Russkiy vestnik. 1963. S. 288.
10. Berbenko K. Chto delayetsya v Makedonii / K. Berbenko // Slavyanskiy vek. 1904. № 86.
11. Berbenko K. O vnutrenney makedonskoy organizatsii / K. Berbenko // Slavyanskiy vek. 1904. № 87.
12. Istoriya Yugoslavii: v 2 t. / Red. kol. Y. V. Bromley, I. S. Dostyan, V. G. Karasev i dr. M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1963. T. 1. 735 s.
13. Sokhan P. S. Ocherki istorii ukrainsko-bolgarskikh svyazey / P. S. Sokhan. K.: «Naukova dumka», 1976. 291 s.
14. Georgiev V. A. Vostochnyu vopros vo vneshney politike Rossii (konets XVIII – nachalo XX v.) / V. A. Georgiev, N. S. Kinyapina, M. T. Panchenkova i dr. M.: «Nauka», 1978. 435 s.
15. Shpilkova V. I. Mladoturetskaya revolyutsiya 1908-1909 gg. / V. I. Shpilkova. M.: «Nauka», 1977. 294 s.

Песоцкий М. Н.

Место Илинденского восстания 1903 года в контексте национально-освободительного движения в Македонии.

Исследовано место и роль Илинденского восстания 1903 года в истории македонского народа, его влияние на национально-освободительные движения балканских народов в пределах Османской империи. Освещаются социально-экономические и политические предпосылки восстания, его ход, влияние на восстание Младотурецкой движения, противоречия между участниками восстания.

Ключевые слова: илинденское восстание, Македония, 1903 год, национально-освободительное движение, Крушевская республика.

Pesotskiy M. N.

The place of the 1903 Elinden uprising in the context of the national liberation movement in Macedonia.

The place and role of the Ilinden uprising of 1903 in the history of the Macedonian people, its influence on the national liberation movements of the Balkan peoples within the Ottoman Empire was explored. The socio-economic and political preconditions of the uprising, its course, influence on the uprising of the Youth Movement, the contradiction between the participants of the uprising are highlighted.

Key words: Ilinden uprising, Macedonia, 1903, national liberation movement, Krushevskaya republic.

УДК 94(477.75): 314.743 «192»

А.В. СЕВАСТЬЯНОВ

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ КРЫМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ДИСКУССИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРЫМ» (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-х гг. XX в.)

В статье анализируются ход и содержание научной дискуссии о численности населения Крыма в период его присоединения к Российской империи в конце XVIII в. и дальнейших этнодемографических процессах в регионе на протяжении XIX в., которые повлияли на национальный состав и экономику края. Дискуссия состоялась на страницах научного журнала «Крым» – печатного органа Общества по изучению Крыма – наиболее авторитетной исследовательской крымоведческой организации 20-х – начала 30-х гг. XX в. в масштабах СССР.

Ключевые слова: крымоведение, Общество по изучению Крыма, журнал «Крым», А. С.-А. Озенбашилы, Б. П. Вологдин, С. А. Усов.

В первые годы после установления Советской власти в Крыму возникали новые учреждения и общественные организации, ставившие своей целью всестороннее изучение прошлого и настоящего полуострова. Ключевую роль в этом процессе играло Общество по изучению Крыма (1922–1932 гг., ОПИК). ОПИК – общественная организация, объединявшая в своих рядах авторитетный круг советских ученых и организаторов науки 20-х – начала 30-х гг. XX в., массы краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымоведческих знаний. Научное общество, созданное на волне бума краеведческих исследований, смогло интегрировать в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований [1]. В рамках деятельности ОПИК организацией комплексного изучения истории Крыма занималась специальная Историко-археологическая и этнографическая секция. Массив оригинальных исследований членов Общества по истории Причерноморья публиковался в журнале общества «Крым» и представляет собой корпус исследований нескольких актуальных проблем и сюжетов. Одним из центральных в этих штудиях стал вопрос исследования этнодемографических процессов в Крыму в период с конца XVIII в. и до начала XX в., данная тема приобрела характер широкой научной дискуссии, имеющей заметное историографическое значение.

Данная группа оригинальных исследований представлена дискуссионными статьями видного общественного деятеля крымскотатарского народа, врача по специальности, заместителя народного комиссара финансов Крымской АССР в 1924–1927 гг. Амета Сеит-Абдуллы Озенбашлы (1893–1958) «Роль царского правительства в эмиграции крымских татар» [2], преподавателя Крымского университета – Крымского государственного педагогического института им. товарища М. В. Фрунзе Бориса Петровича Вологодина «К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими» [3] и статистическим исследованием историка крымской экономики, видного общественного деятеля досоветского периода Сергея Александровича Усова (1870–1928) «Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края» [4]. Во всех публикациях наглядно прослеживается значительное влияние тенденций национальной политики советского правительства 20-х гг. XX в., т. н. «коренизации», в Крымской АССР проявившейся в стимулируемом органами власти (прежде всего – Наркомпросом Крымской АССР) углубленном интересе к изучению истории и этнографии крымских татар. Этот процесс получил наименование «татаризации», заключавшейся в массовом привлечении крымских татар к работе в органах государственной власти, высших учебных заведениях и учреждениях науки и культуры.

Предметом исследования А. С.-А. Озенбашлы стала тема участия правительства Российской империи в эмиграции крымских татар из Крыма в конце XVIII века и второй половине XIX века. Автор отмечал в преамбуле публикации, что «почти все дореволюционные авторы, без различия политических и общественных течений, <...> избегали полного освещения вопроса». Также А. С.-А. Озенбашлы охарактеризовал процесс эмиграции как «подлинную трагедию народа», сославшись при этом на мнение С. А. Усова [2, с. 143]. Основной лакуной историографического освещения вынужденной эмиграции крымских татар исследователь назвал игнорирование предшествующими исследователями «момента дирижирования царского правительства этим народным движением». Привел А. С.-А. Озенбашлы и цифры общей численности крымскотатарского населения Крыма на протяжении периода 1783–1917 годов и сделал вывод о его сокращении с 4 млн. «компактного татарского населения» в начальной дате до 150 тыс. крымских татар «на склонах Крымских гор» в конечной. Цифру численности населения в доколониционный период последней трети XVIII в. А. С.-А. Озенбашлы подтверждает свидетельствами барона Франца де Тотта (1733–1793), совершившего путешествие по территории Крымского ханства за семь лет до

присоединения полуострова к России, и описавшего в своих записках принцип набора солдат в армию крымского хана. Согласно этим расчетам население Крымского ханства должно было в последней трети XVIII в. составлять 3 млн. 200 тыс. чел. Кроме того, А. С.-А. Озенбашлы делал специальную оговорку о распространенном среди крымских татар многоженстве, что, по мнению автора, автоматически свидетельствовало о еще большей численности татарского населения Крыма в тот период, т. е. приблизительно, 4 млн. чел. [2, с. 143–144].

Целью своего исследования А. С.-А. Озенбашлы определил «объективное освещение указанного момента» и особо подчеркнул необходимость выяснения «подлинной физиономии той беспощадной политики российского империализма, жертвой которого стал татарский народ» [2, с. 144]. Для осуществления поставленной задачи автор подобрал определенный ограниченный круг источников. А. С.-А. Озенбашлы определил рамки первой эмиграции крымских татар из Крыма 1784–1800 годами. Согласно его подсчетам, полуостров покинули от 350 до 500 тыс. крымских татар. Свои размышления автор подкрепил выпиской из секретной записки генерал-губернатора Новороссии Г. А. Потемкина, регулировавшей выезд разных категорий населения из Крыма, однако, не содержащей каких-либо цифр, соответственно, не представлявшей масштабы миграционного процесса. А. С.-А. Озенбашлы тенденциозно интерпретировал данные источника как «очищение «вновь завоеванного края» от чужого элемента – татар», и связывал подобные устремления с миграционными планами Г. А. Потемкина в рамках т. н. «Греческого проекта» (вытеснение Османской империи в территории Балкан и воссоздании православной Византийской или «Греческой» империи) и общей экономической конъюнктурой исторического момента. Столь же безапелляционно исследователь противопоставлял российских колонизаторов края с татарским населением, называя татарский народ «опрокинутым врагом», не способным «к отпору организмом, только что утратившим свою самостоятельность». Далее, А. С.-А. Озенбашлы указывал на продолжение «систематического выживания татарского населения», «выпирания населения из насиженных им уголков», достигшего максимума в годы Крымской войны (1853–1856), особенно – в период «Севастопольской кампании» 1854–1855 годов. Причины же массового выезда из Крыма в 1860–1862 гг. автор видел не в проблеме несистематического коллаборационизма крымских татар в годы Крымской войны, а в кризисных тенденциях административного и экономического характера, охвативших в тот момент управленческий аппарат Российской империи. Религиозно-нравственная и идеологическая сферы жизни также не принимались автором во внимание, как основополагающие в этом процессе. Содержание ограниченного круга источников интерпретировалось А. С.-А. Озенбашлы односторонне: в констатации факта объективной экономической неспособности крымских татар к оседлому земледелию в тот период он видел только желание чиновников Российской империи вытеснить весь крымскотатарский народ из Крыма, предоставление же свободы выбора при переселении или переходу к оседлому ведению хозяйства воспринималось исследователем как подстрекательство к выезду [2, с. 144–146]. Критиковал А. С.-А. Озенбашлы и практику регулирования выезда крымских татар, осуществлявшуюся правительственными учреждениями и применявшуюся как на рубеже XVIII – XIX вв., так и в 1861–1862 гг. и выражавшуюся в ограничении разрешений на выезд из территории Крыма. В этом факте исследователь видел произвол чиновников и снова повторял тезис о потворстве выезду крымских татар со стороны российской власти, несмотря на совершенно обратный смысл, который несли в себе мероприятия по ограничению выезда, установленные властями Таврической губернии.

Таким образом, статья А. С.-А. Озенбашлы «Роль царского правительства в эмиграции крымских татар» вписывалась в идеологический и политический смысл

«коренизации», предполагавшей тотальную критику действий самодержавного государственного режима Российской империи, интерпретацию архивных документов в соответствующем негативном, заведомо необъективном смысле. Данные действия отвечали основным идеологическим постулатам советской теории интернационализма, предполагавшей критику т. н. «великорусского шовинизма», что влекло за собой новые оценки исторических фактов, а также создавало почву для построения новых концепций истории целых народов и регионов. Необходимо отметить, что факты, анализируемые А. С.-А. Озенбашлы, на основании которых делались исследовательские выводы, оценивались исследователями-современниками иначе [5], а также вызвали дискуссию на страницах журнала «Крым».

Одним из критиков позиции А. С.-А. Озенбашлы в первой книжке журнала «Крым» за 1927 год выступил Б. П. Вологдин [3]. Темой его заметки стала критика лишь одного положения рассуждений А. С.-А. Озенбашлы – о численности населения Крыма в последней трети XVIII в., до завоевания его Российской империей. Б. П. Вологдин также привлек источник рассуждений А. С.-А. Озенбашлы – записки барона Ф. де Тотта – и повторил заключение автора о численности населения Крыма в четыре миллиона человек в последней трети XVIII в. Характеризуя численность населения Крыма в современный период (20-е гг. XX в.), Б. П. Вологдин указывал, что она составляет 750 тыс. чел. Из этого факта автор делал вывод о «неточности, допущенной А. С.-А. Озенбашлы в расчетах», основанной на недостаточно критическом отношении к источнику, откуда были собраны сведения [3, с. 104].

Свою позицию опытный статистик Б. П. Вологдин аргументировал специальными расчетами. При расчете проживания жителей на один квадратный километр, согласно мнению А. С.-А. Озенбашлы, должна была получаться плотность населения в 200 жителей на один квадратный километр, с учетом необитаемых территорий (районы горной Яйлы и лесов). Это превышало плотность населения в Пруссии или Франции 20-х гг. XX в. и согласовывалось с плотностью населения в Японии или Италии того же времени. Приведенный расчет и сравнение показывали несостоятельность цифр, приведенных А. С.-А. Озенбашлы [3, с. 104]. Также Б. П. Вологдин использовал для аргументации своей позиции критерий социально-экономического уклада, господствовавшего на той или иной территории в определенный период. Согласно этому принципу, Крым в последней трети XVIII в. находился на стадии перехода от кочевого хозяйства к оседлому земледелию, согласно расчетам, плотность населения при таком уровне развития хозяйства составляет от 0,9 до 3,4 чел. на квадратный километр, а при экстенсивном типе ведения хозяйства – 0,9 чел. на квадратный километр. Используя даже максимальные показатели плотности в расчете на территорию Крыма, Б. П. Вологдин делал вывод о максимальном количестве сельского населения полуострова в последней трети XVIII в. в 230 тыс. чел., вместе с суммарным количеством жителей городов Крыма (Кафы, Гезлева, Бахчисарая, Карасубазара) в 30–50 тыс. чел., получалась цифра в 260–280 тыс. чел. Также Б. П. Вологдин отметил противоречивость данных источников о количестве татар, покинувших территорию Крыма на рубеже XVIII – XIX вв. Автор называл наиболее обоснованными цифры, приведенные академиком Петром Симоном Палласом [6], который определил цифру выехавших в 80 тыс. чел., указывая при этом, что осталось в Крыму «70269 душ мужского пола» крымских татар. Данная цифра Б. П. Вологдиным, с учетом женского населения, была увеличена вдвое, соответственно число крымских татар в Крыму на рубеже XVIII–XIX вв. определялось приблизительно в 140 тыс. чел., а до начала эмиграционных процессов общая численность населения Крыма не превышала 300 тыс. чел. [3, с. 104–105]. В представленной дискуссии между исследователями-членами ОПИК следует отметить, что позиция Б. П. Вологодина была более аргументирована данными источников, их критическим анализом, лишена каких-либо

политических оценок, представлена оригинальными методиками исчисления миграционных процессов, а не односторонней интерпретацией письменных источников, продиктованной значительной идеологической установкой, что значительно снижало научный уровень публицистического исследования А. С.-А. Озенбашлы.

Определенную ясность в дискуссию внесла работа практикующего статистика Сергея Александровича Усова «Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края», опубликованная в журнале «Крым» в 1928 году [4]. Исходной хронологической рамкой своего исследования автор определил 70-е гг. XVIII в. В соответствии с представленными в историографии различными мнениями о численности населения Крыма, С. А. Усов подверг сомнению все названные исследователями в различные периоды цифры. Также ученый указал на необходимость разделения понятия «Крым» в политическом контексте, в XVIII в. включавшем в себя всю территорию Крымского ханства, от сугубо географического понятия «Крым» как полуострова (что следует отнести к еще одному недостатку статьи А. С.-А. Озенбашлы, в своих рассуждениях ни разу не определившего географических рамок своего исследования) [4, с. 64–65]. С. А. Усов аргументировано раскритиковал позицию исследователей, настаивавших на значительной заселенности Крыма в последней трети XVIII века. В качестве критериев оценки статистик приводил особенности природных условий полуострова, указывал на отсутствие открытых природных источников воды в степной части полуострова, что влекло за собой естественную низкую плотность населения. Также С. А. Усов, вслед за Б. П. Вологдиным, отметил приоритетность оценки способа ведения хозяйства и экономического развития региона для определения миграционных колебаний на его территории. В последней трети XVIII в. в Крыму проходил переход от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледельческому, соответственно, плотность населения в тот момент, даже при учете возможно развитого экстенсивного переложного земледелия на полуострове, не могла превышать 8–9 чел. на квадратный километр. Указанная норма плотности населения позволила С. А. Усову сделать заключение, что население Крыма в 70-е годы XVIII века не превышало численности в 230 тыс. человек, после присоединения Крыма к России и связанных с этим миграционных процессах в среде греческой, армянской и татарской общин население объективно сократилось и в 1795 г. при составлении пятой ревизии фигурировала общая численность населения Крыма в 157 319 человек [4, с. 65–68]. Дальнейшие критерии анализа динамики населения Крыма были определены С. А. Усовым так: 1) численный рост населения; 2) изменение этнического состава населения; 3) изменение соотношения между городским и деревенским населением. В очерке давалась подробная характеристика каждому названному критерию.

В качестве мотивации действий правительства, направленной на увеличение численности населения Крыма, С. А. Усов называл стратегическое положение Крыма в военном и экономическом аспектах. Среди мер по наращиванию людского присутствия в регионе предпринимались и переселение крестьян из внутренних губерний Украины и России, привлекались иностранные колонисты на льготных условиях, не обращало внимания в определенный период правительство и на бегство помещичьих крестьян и солдат в Крым. Также еще одним из условий стимулирования переселения в Крым С. А. Усов называл передачу значительных земельных ресурсов помещикам, чиновникам, придворным в качестве пожалований. Исследователь отмечал значительную косность администрации при проведении колонизационной политики, а также указывал на непригодность крестьян, переведенных в Крым из северных губерний Украины и России, к условиям ведения хозяйства на полуострове. За период 1800–1850 гг. по приблизительным данным население Крыма увеличилось в два раза и составило 315 тыс. чел. Удар по увеличению численности населения был нанесен последствиями Крымской войны, общее количество выселившихся крымских татар

ученый определял в 150 тыс. чел., общее количество проживавших в Крыму в 1865 г. составляло 194,4 тыс. чел. Также исследователь отмечал и изменение соотношения этнических групп в составе населения Крыма, спровоцированных эмиграцией крымских татар. В 1870-е годы крымские татары объективно утратили свое первенство по численности среди народов Крыма. Деятельность правительства по новому заселению Крыма С. А. Усов охарактеризовал как неудачную, назвав главной причиной неготовность местных чиновников принять и обеспечить переселенцев (в т.ч. и иностранных) необходимыми условиями проживания и ведения хозяйства. Данная ситуация приводила к возвращению колонистов в свои прежние места проживания, либо к их обнищанию. Общую численность переселившихся в Крым к 1867 г. С. А. Усов, опираясь на статистические данные, определил в 10 тыс. чел. [4, с. 69–71].

Как переломные в развитии крымского хозяйства, а, следовательно, и в увеличении численности населения С. А. Усов определил 70-е годы XIX века. На фоне общегосударственных реформ, Крым получил импульс интенсивного развития экономики и инфраструктуры. Главными его критериями стало строительство железной дороги и морских портов в городах полуострова, что позволило сельскохозяйственной продукции крымских производителей получить быстрый и дешевый выход на внутренние рынки Российской империи. Изменилась общая структура хозяйствования – приоритет заняли земледельческие культуры, проявилась зерновая специфика региона. Это способствовало значительному росту населения региона: в 1870 г. оно составляло 239 тыс. чел., в 1897 г. (без учета расквартированных соединений армии и флота) – 523 тыс., к 1921 году – 720 тыс. Голод 1921–1923 гг., а также последствия «белой» эмиграции и «красного» террора (об этих причинах, по цензурным причинам политического характера, С. А. Усов умолчал) сократили население до 570 тыс. чел., но к концу декабря 1926 г., согласно переписи населения, в Крыму проживало 714 тыс. чел. [4, с. 2–73].

Не менее важным в понимании демографических процессов в Крыму является и оценка изменения этнического состава населения, предпринятая С. А. Усовым. Период рубежа XVIII–XIX вв. представлял Крым регионом с исключительно татарским (мусульманским) населением (от 79,2% в 70-е гг. XVIII в. до 80,3% в 1795 г., после проведения переселения армян и греков). Пятая ревизия 1795 г. также установила долю русского населения в Крыму – она составила 7% от общего числа населения. Волны переселений различных этнических групп (русские, украинцы, болгары, румелийские армяне, немцы, молдаване, эстонцы, чехи) в Крым протекали на протяжении всего XIX в., однако эти переселения не внесли кардинального изменения в соотношение этнических групп населения Крыма, лишь разнообразив его состав. По образному выражению С. А. Усова, «селения русских крестьян и колонии иностранцев в течение нескольких десятков лет являлись немногочисленными островками среди татарского моря» [4, с. 74–76].

Основную роль в переломе этнодемографической ситуации в регионе сыграла массовая эмиграция крымских татар в начале 60-х годов XIX века. С. А. Усов уделил этой проблеме особое внимание, сформулировав основные предпосылки эмиграции. Они заключались, по мнению исследователя, в тяжелом экономическом положении татарского населения после Крымской войны (1853–1856), а также в провокационных действиях отдельных чиновников государственной власти, искусственно воспользовавшихся временными чувствами вражды между группами христианского и мусульманского населения. Первая тенденция эмиграции – экономическая – по мнению С. А. Усова объяснялась характером ведения хозяйства в степной части Крыма, откуда выехало наибольшее количество крымских татар. Основная масса выезжающих не была наделена землей, а обрабатывала помещичью землю за определенное вознаграждение. Никаких имущественных прав данная категория не имела, находилась в

полой экономической зависимости от помещика, который мог согнать наемных крестьян с земли по своему усмотрению, предупредив за год. Все это создавало практически кочевой образ жизни данной категории крымскотатарского населения, поэтому экономический кризис послевоенных годов подтолкнул крестьян к эмиграции. Второй фактор этого процесса – этноконфессиональная напряженность являлась следствием общего кризиса системы государственного управления и была умело использована низшими чиновниками на местном уровне [4, с. 77–78]. С. А. Усов указал, что эмиграционный процесс начала 60-х годов XIX века повлиял на дальнейшее соотношение этносов в составе населения Крыма. Продолжение эмиграции в 70-е гг. XIX века привело к потере крымскими татарами преобладания в этнической структуре населения Крыма. Индустриальное развитие и технический прогресс, отразившийся на экономике полуострова, повлияли на приток в Крым переселенцев из русских и украинских губерний, развитие торговли и строительства привлекли массы рабочих, главным образом этнических русских и украинцев. Первая перепись населения в рамках Российской империи 1897 года зафиксировала изменения, произошедшие с 1870-х годов, и констатировала относительное первенство «русских» в этническом составе населения Крыма. При этом необходимо оговориться, что приводимые в статье С. А. Усова данные переписей 1897 и 1921 годов не выделяют украинцев и белорусов как отдельные этнические группы в Крыму вообще. В данных переписи 1926 года автор указывает на украинцев как на отдельную этническую группу только в примечании, ее количество в общем массиве населения Крыма середины 20-х гг. XX в. (77 405 человек из 713 823 чел.) дает понимание этнодемографических процессов в регионе на протяжении последней четверти XIX – первой четверти XX вв. [4, с. 85].

Соотношение сельского и городского населения также было важным фактором демографической динамики в Крыму. На момент присоединения Крыма к России сельское население составляло 90% всех жителей Крыма, общая численность горожан не превышала по данным С. А. Усова 20 тыс. чел. В татарских селах господствовала следующая схема социальных отношений: земля находилась в собственности мурз, на ней работали общинники-крестьяне, платившие землевладельцам десятину с урожая и поголовья скота за пользование землей. После появления на территории Крыма новых землевладельцев – русских помещиков – система социальных отношений не изменилась, т. к. татары были единственными, кто владел навыками обработки земли в особых природных условиях региона. За период 1800–1850 гг. сельское население Крыма возросло с 139 до 230 тыс. чел., что составило 64% прироста. Эмиграция 1860–1862 гг. из степных районов Крыма привела к их фактическому опустошению, а число сельского населения в Крыму сократилось к 1865 г. до 112–115 тыс. чел. Экономический подъем 1870-х годов способствовал активизации сельскохозяйственного производства в Крыму, что отразилось на росте населения. Перепись 1897 года зафиксировала 318 тыс. чел., перепись 1921 года – 388 тыс., 1926 года – 383,6 тыс., замедление темпов роста сельского населения в 20-х гг. XX в. было прямым следствием голода 1921–1922 годов [4, с. 79–81].

Состав городского населения Крыма определялся потребностью в обслуживании военного потенциала империи, а также торговыми целями. Этим С. А. Усов объяснял формирование слободок возле крепостей, медленное расширение поселений, отсутствие масштабного строительства. Вместе с тем, рост городского населения по темпам опережал сельское – в 1800–1850 гг. оно выросло с 20 до 85 тыс. чел. Качественный скачок этого процесса С. А. Усов также относил к 70-м годам XIX века, после того как города Крыма превратились в центры массовой вывозной торговли через порты. К 1926 г. городское население полуострова составило 46% от всего

населения региона, что было одним из самых высоких показателей в сравнении с абсолютным большинством областей и республик СССР [4, с. 82–84].

Таким образом, дискуссия о проблеме миграции крымских татар из Крыма в конце XVIII – начале XX вв. и ее влияния на этнодемографические процессы в регионе выявила не только различные оценки данного сюжета среди исследователей, но и их содержательную состоятельность и научную обоснованность. В данном контексте, можно констатировать, что в условиях проводимой в 20-е гг. XX в. официальной идеологии «коренизации» очевидной была тенденция политизации исторических процессов и попытки построения на этой основе новых, недостаточно обоснованных концепций, которые представляли процесс миграции крымских татар из Крыма специальной акцией правительства Российской империи, что экстраполировалось на политику государства в отношении крымских татар в целом (А. С.-А. Озенбашлы). Данным рассуждениям противостояли обоснованные историко-экономические исследования профессиональных экономистов-статистиков, которые аргументировано опровергали тенденциозную политизацию данного сюжета истории Крыма (Б. П. Вологдин, С. А. Усов).

1. *Севастьянов А. В.* Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов / Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. К.; Симферополь, 2010. 255 с. (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 13); *Севастьянов А. В.* «... Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной ...»: документы архивов свидетельствуют / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12/13. С. 128–152; *Севастьянов О. В.* Статути Російського товариства з вивчення Криму – джерела з історії інституалізації краєзнавчого руху в Кримський АСРР в 20-ті роки ХХ ст. / О. В. Севастьянов // Питання історії науки і техніки. 2008. № 2. С. 12–17; *Севастьянов О. В.* Десять років на службі краєзнавству: Російське товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.) / О. В. Севастьянов // Краєзнавство. 2009. № 3/4. С. 96–102; *Севастьянов А. В.* О научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.): историографический аспект / А. В. Севастьянов // Крымский архив. 2009. № 11. С. 251–264; *Севастьянов А. В.* Ленинградское эхо крымского конфликта: новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30-х гг. XX в. / А. В. Севастьянов // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України, УТОПІК. 2013. Вип. 23. С. 178–206.
2. *Озенбашлы [А. С.-] А.* Роль царского правительства в эмиграции крымских татар / А. С.-А. Озенбашлы // Крым. 1926. № 2. С. 143–146.
3. *Вологдин Б. П.* К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими / Б. П. Вологдин // Крым. 1927. № 1 (3). С. 104–106.
4. *Усов С. А.* Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края / С. А. Усов // Крым. 1928. № 1 (5), вып. 1. С. 64–85.
5. *Маркевич А. И.* Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму / А. И. Маркевич // Известия АН СССР. Сер. 7: Отд. гуманитарных наук. 1928. № 4/7. С. 375–405; 1929. № 1. С. 1–16.
6. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства / П. С. Паллас; Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. К. Ткачёва. М.: Наука, 1999. 246 с.

References

1. *Sevastianov A. V.* Desiat let na sluzhbe kraevedeniya: Rossiyskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932) / A. V. Sevastianov / Tsentr pamiatnikovedeniya NAN Ukrainy i UTOPIK. K.; Simferopol, 2010. 255 s. (Seriya : Biobibliografiya krymovedeniya; vyp. 13); *Sevastianov A. V.* «... Rabota Rossiyskogo obshchestva po izucheniyu Kryma yavliaetsia v ynteresakh Kryma krayne zhelatelnoy ...»: dokumenty arkhivov svidetelstvuyut / A. V. Sevastianov // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2006. № 12/13. S. 128–152; *Sevastianov O. V.* Statuty Rosiiskoho tovarystva z vyvchennia Krymu – dzherela z istorii instytualizatsii kraieznavchoho rukhu v Krymskyi ASRR v 20-ti roky XX st. / O. V. Sevastianov // Pytannia istorii nauky i tekhniki. 2008. № 2. S. 12–17; *Sevastianov O. V.* Desiat rokov na sluzhbi kraieznavstvu: Rosiiske tovarystvo z vyvchennia Krymu (1922–1932 rr.) / O. V. Sevastianov // Kraieznavstvo. 2009. № 3/4. S. 96–102; *Sevastianov A. V.* O nauchnom nasledii Rossiyskogo obshchestva po izucheniyu Kryma (1922–1932 gg.): istoriograficheskiy aspekt / A. V. Sevastianov // Krymskiy arkhiv. 2009. № 11. S. 251–264; *Sevastianov A. V.* Leningradskoe ekho krymskogo konflikta: novye podrobnosti nauchnogo protivostoyaniya N. Y. Repnikova i N. L. Ernsta

-
- na rubezhe 20–30-kh gg. XX v. / A. V. Sevastianov // Pratsi Tsentru pamiatkoznavstva / NAN Ukrainy, UTOPiK. 2013. Vyp.23. S. 178–206.
2. *Ozenbashly [A. S.-] A. Rol tsarskogo pravitelstva v emigratsii krymskikh tatar / A. S.-A. Ozenbashly // Krym. 1926. № 2. S. 143–146.*
 3. *Vologdin B. P. K voprosu o chislennosti naseleniya v Krymu do zavoevaniya ego russkimi / B. P. Vologdin // Krym. 1927. № 1 (3). S. 104–106.*
 4. *Usov S. A. Naselenie Kryma za 150 let v svyazi s ekonomikoy kraia / S. A. Usov // Krym. 1928. №1 (5), vyp. 1. S. 64–85.*
 5. *Markevich A. I. Pereseleniya krymskikh tatar v Turtsiyu v svyazi s dvizheniem naseleniya v Krymu / A. I. Markevich // Izvestiya AN SSSR. Ser. 7: Otd. gumanitarnykh nauk. 1928. № 4/7. S. 375–405; 1929. № 1. S. 1-16.*
 6. *Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva / P. S. Pallas; Otv. red. B. V. Levshin; Sost. N. K. Tkachova. M.: Nauka, 1999. 246 s.*

Севастьянов О. В.

Кримськотатарська еміграція з Криму в вітчизняній історіографії: дискусія на сторінках журналу «Крим» (друга половина 20-х рр. XX ст.).

У статті аналізуються хід і зміст наукової дискусії про чисельність населення Криму в період його приєднання до Російської імперії в кінці XVIII в. і подальших етнодемографічних процесів в регіоні протягом XIX ст., які вплинули на національний склад і економіку краю. Дискусія відбулася на сторінках наукового журналу «Крим» – друкованого органу Товариства з вивчення Криму – найбільш авторитетної дослідницької кримознавчої організації 20-х – початку 30-х рр. XX ст. в масштабах СРСР.

Ключові слова: кримознавство, Товариство з вивчення Криму, журнал «Крым», А.-С. А. Озенбашли, Б. П. Вологдін, С. О. Усов.

Sevastyanov O. V.

Crimean Tatar emigration from Crimea in the domestic historiography: discussion on the pages of the «Crimea» journal (the second half of the 20'th AD).

The article analyzes the course and content of the scientific discussion about the population of the Crimea during its accession to the Russian Empire at the end of the 18th century. and further ethno-demographic processes in the region during the 19th century. which national composition and economy of the region. The discussion took place on the pages of the scientific journal «Крым» – the printed organ of the Society for the Study of Crimea – the most authoritative research krymological organization of the twenties and early 30s. XX century in the scales of the USSR.

Key words: Crimean Studies, Society for the Study of the Crimea, journal «Крым», A.-S. A. Ozenbashly, B. P. Vologdin, S. A. Usov.

УДК 94(438)«1918-1939»:325.8

В.В. ГАЙДАЙ

УЧАСТЬ КЛЕРИКАЛЬНИХ ГРОМАДСЬКИХ ОРГАНІЗАЦІЙ ТА КАТОЛИЦЬКОЇ ЦЕРКВИ В СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОМУ ЖИТТІ МІЖВОЄННОЇ ПОЛЬЩІ (1918 – 1939)

Розглядається діяльність громадських організацій клерикального (церковного) характеру, висвітлено їх участь в суспільно-політичному житті міжвоєнної Польщі, а також показано роль римо-католицької церкви та окремих церковних діячів у державних та громадських процесах.

Ключові слова: громадські організації, Польща, клерикалізм, християнська демократія, церква, католицизм, політика, суспільство.

Роль католицької церкви в історичному розвитку Польщі й житті польського суспільства настільки велика, що потребує окремого дисертаційного дослідження або ґрунтовного висвітлення в монографіях чи на конференціях. Католицизм ввів Польщу в клуб цивілізованих держав, став джерелом національної ідентичності поряд з польською мовою, був стимулюючим чинником, що сприяв виникненню писемності, літератури, освіти, а в наступні роки також й науки та книгодрукування. Римо-католицький клір відігравав провідну і часто – головну роль в суспільно-політичному